

Олеся Мовсина

Про Контра и Цетера

Олеся Мовсина

Про Контра и Цетера

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6496833

Про контра и цетера. Повесть: Геликон Плюс; Санкт-Петербург; 2013

ISBN 978-5-93682-910-9

Аннотация

«– Можно я смухлюю?

Честно? В тот миг я ещё не подумал, что она похожа на смерть. Я подумал, что она собирается меня поцеловать: так близко притёрлась к моему уху. Сначала отдернул лицо, а потом уж дошло. Просто хочет взять с меня деньги за билет, билета не выдав.

– Валяйте, мухлюйте.

Первый утренний трамвай. Ни тебе контроля, ни тебе... На тебе. Может, мои четыре рубля спасут твою жизнь?

И вот как раз после этого я подумал, что она похожа на смерть. Как раз на такую, которая в народных представлениях. Но может быть, я и ошибался...»

Содержание

1. Трамвай	5
2. Письмо	8
3. Три-четыре	13
4. Болезнь	19
5. Одноклассник	25
6. Поезд	33
7. Соседи	42
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Олеся Мовсина

Про Контра и Цетера

© Мовсина О., текст, 2013

«Геликон Плюс, макет, 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

1. Трамвай

Вадим:

– Можно я смухлюю?

Честно? В тот миг я ещё не подумал, что она похожа на смерть. Я подумал, что она собирается меня поцеловать: так близко притёрлась к моему уху. Сначала отдернул лицо, а потом уж дошло. Просто хочет взять с меня деньги за билет, билета не выдав.

– Валяйте, мухлюйте.

Первый утренний трамвай. Ни тебе контроля, ни тебе... На тебе. Может, мои четыре рубля спасут твою жизнь?

И вот как раз после этого я подумал, что она похожа на смерть. Как раз на такую, которая в народных представлениях. Но может быть, я и ошибался.

Агния:

А я, наоборот, возвращалась с работы.

Тихо, мирно, прилежно ожидала своего трамвая на своей остановке. Машины проваливались бессчётно и тяжело: слева направо. И вдруг столпились как-то, не замедляясь. Одна из них гуднула басом, другая взвизгнула, третья стукнула, а четвёртая... Четвёртая, избегая дэтэпэ, одним рывком махнула на тротуар. На остановку. На меня.

Я не успела ни гуднуть, ни взвизгнуть – ничего. Стояла и

смотрела на красный скользкий капот, заткнувшийся в двадцати сантиметрах от меня. Да, сантиметрах в двадцати, наверное, не больше. Но и не меньше, будем справедливы.

Что ж, детка, суши штаны. Ставь свечки.

Такова событийная облатка пилюли, слегка позлащённая моей нынешней благодарностью. Ингредиенты невкусного лекарства шёпотом зачитал Ходасевич: «Всё жду – кого-нибудь задавит взбесившийся автомобиль... И с этого пойдёт, начнётся раскачка, выворот, беда...» Раскачка началась. А вот действующие свойства препарата пока никем не изучены. Тем более – побочные эффекты и противопоказания.

Помню только, как меня тошнило, когда я поднималась по трамвайным ступеням, ну и ноги тоже дрожали. Ни с чем не сравнимая мысль «чуть было не» предложила свободное сидение возле окна. Это было долгое сидение возле окна и совершенно тупое в окно глядение. И тогда позвонила Мара. Я выкопала из сумки телефон – слабыми руками – но ей, конечно, ничего не сказала.

– Нюся, Агния, слышишь? – откуда-то из своего парижского далёка. Она сказала, она, должно быть, скоро она придет, а я всё никак не могла связать между собой эти два события. Не могла и не могла.

Автор:

И вот ещё одна трамвайная история. Вернее, не история, а так себе, воздух, выдох усталой памяти. В нашем городе из

всего общественного транспорта доехать до кладбища можно на трамвае. В смысле, только на трамвае. Оно там, знаете, прямо за кольцом расположилось.

И вот. А ещё у нас любят складывать цифры на билетах в поисках счастья. Есть такая народная примета. Или в надежде на встречу (это когда сумма цифр слева и справа неуравновешенна, сбита на единичку). Именно такими вариантами особенно щедры кладбищенские кондукторы.

Несколько лет подряд мне приходилось покупать месячный проездной билет на трамвай. (Не многозначительный намек, просто-напросто мы жили тогда в трёх остановках от кладбища.)

2. Письмо

*Мара:*¹

Агния терпеть не может электронной почты. Сколько я уже с ней билась (и уже с ней и ужасней)? Телефон – пожалуйста, да ещё вот эти бумажные эпистолии, в которых она то зевает, то хнычет, то смотрит в окно. И каждый раз, когда я надрываю бумажный прямоугольник с видами Москвы-Петербурга, я знаю – Нюси там нет. Вернее, там она несвежая, недельной давности. Я читаю письмо и думаю: в какую же сторону ты стала расти после этих слов, дорогая? И тогда мне хочется позвонить и спросить. Она – хитрая лиса – на это и рассчитывает.

Сегодня я выскочила из дома, встретила с письмом и побежала до ближайшего сквера – читать. Была у меня минутка перед работой, но только минутка. Пока закуривала и распечатывала, споткнулась, не дойдя до скамейки. Дождь. Раскрыла многословный тревожный лист, и тут же на него ляпнулась первая капля. Машинально натянула каплюшон, думая, что это за слово было и потекло: «оставаясь» или «остановись»?

Здравствуй, дружочек! А я ведь зонтик сегодня не брала. Здравствуй, мой дорогой. Придётся прочитать на рабо-

¹ Здесь и далее пер. с фр. Автора.

те. Я почувствовала, что Нюся стоит рядом, а это был обман обоняния. Ведь всё можно объяснить: письмо помнило запах её духов, а дождь сунул свои пальцы, нашарил и вытащил. И тогда ещё несколько слов потекло.

Вот теперь здравствуй. Теперь ты – не прошлого вторника, ты настоящая. И пока я внюхивалась в Нюсю, дождь порвал, как билет, рекламный плакат на углу. И тогда я сунула живое письмо в карман и побежала. А он лил и лил мне навстречу, как сумасшедший.

Что это со мной, у меня же был зонтик, на самом дне сумки, ещё с прошлого раза? Сказала я себе, стекая на порог магазина. Хорошо ещё, есть во что переодеться. Сказала я, заглядывая под прилавок. Сейчас посетителей мало. И всё это время со мной бежал, стекал, заглядывал под прилавок – запах.

А когда я вытащила письмо из кармана, читать его было уже поздно. Живое письмо умирало у меня на руках. Кажется, эта идиотка писала не шариком, а пером. Ты уж прости меня, дружок, что так получилось, но мне хотя бы удалось тебя понюхать. Нет, что-то я всё-таки смогла прочесть, и этого было достаточно.

Что ж, пора браться за работу.

А потом, вечером, в магазине появились эти трое и только укрепили меня в желании вернуться.

Автор:

Письма спотыкаются о воскресенье,
А будь они хитрее – пробирались бы ночами
По раскисшим улицам весенним,
Тихо-тихо, от угла до угла, не топоча и
Обходя патрули.
И мы бы не так скучали.

Агния:

В лесу обалденно хорошо. И каждый раз кажется, что это – самый лучший из всех разов. Когда мы отмечали Новый год на даче, ко мне приходил лось. Под утро, когда уже все улеглись, я стала срывать мандарины и свечи с ёлки и подумала, что это трещит ветками и снегом соседский участок. Я обернулась – он стоял как изваяние, это магическое животное. Хочешь мандаринку? Он покачал головой.

Между Москвой и Петербургом стоит точно такой же, только каменный. Он тоже не любит мандарины.

Но я не об этом. Сейчас весна. Меня попросили съездить на дачу с моими подопечными детьми. Их мама осталась в городе, у неё дела. Иван Петрович, Таня, Даня, и я, их няня, отправились подышать Вербным воскресеньем. Я не люблю Ивана Петровича. Он незлой, но очень вспыльчивый. Не могу флиртовать с мужчинами, у которых неадекватная реакция на дневной свет.

А он, наоборот, смазывал меня маслом всю дорогу. Как будто и дети здесь ни при чём. Ты, говорит, не умеешь во-

дить машину? Это правильно. Когда женщина за рулём, она готова впереди себя бежать и собой любоваться. Я, говорит, вчера наблюдал, как две тетki на «мерседесе» парковались. Долго примеривались в узенькую щёлочку между двумя другими машинами. Думал, не влезут, но такую ювелирную работу проделали – мама дорогая! Втиснулись. И сидят, две дуры, друг на друга смотрят, не знают, как бы теперь им выйти – двери-то и на пять сантиметров не открыть!

Смеётся Иван Петрович, а сам глазками нет-нет да пощипывает меня за воротник. Лучше бы за дорогой смотрел. Я не смущаюсь с мужчинами, но надо было к ребятам, на заднее садиться.

А из машины вышли – собаченция на нас бросилась. Здоровенная, яростная. Слюной брызжет, кричит, жаль только, о колодец головой не бьётся. Совсем как Иван Петрович в минуты гнева. Сторож из дома выскочил, в сарай забежал, и эта собака вдруг чудесным образом на поводке по земле потащилась. И скрылась в сарае, всё ещё завывая от ненависти. Ивана Петровича гордость распирает. Это, говорит, моё изобретение. Итар у нас совсем неуправляемый, даже своих не признаёт. Мы его на лебёдку посадили, когда надо – втаскиваем и запираем. А Танюха с Данилой хохочут, им смешно, как Итар пытается за землю уцепиться, когда его волокут на верёвке.

Вокруг дачи – лес, хотя бы это меня вдохновляет и успокаивает. Грязно, правда, внутрь не пробраться. Зато можно

дышать и слушать шум и, закрыв глаза, представлять, как где-то в там далеко ходят-бродят угрюмые лоси.

Сели обедать – опять сторож откуда-то появился. Посто-ял в дверях несколько секунд, а я ухом увидела, что он меня изучает. М-м? – говорю. А он: Сегодня вербовочное воскресе-нье. Смешно, – отвечаю и продолжаю есть. А он подходит к столу: Вы случайно не Агния?

Детишки мои кричат: Агния, Агния! Саша, она у нас уже с самой зимы няня! А Саша усмехнулся и говорит: Там вам письмо пришло.

???

Вам. Я сейчас принесу.

Тут уж Иван Петрович встрепенулся. Как это, говорит, письмо? Сюда никогда никакая почта не приходит. Здесь и адреса-то почтового нет. Не иначе, говорит, это Сашкины фокусы. Может, это он сам тебе письмо написал? И рожи корчит – не то для того, чтобы дети не видели, не то наобо-рот – чтобы их рассмешить. Вот уж и правда, вербовочное какое-то.

Сторож как сторож – лицо плоское. Ни намёка на вообра-жение. Протягивает письмо, я его спрашиваю: кто хоть при-нес-то?

Не знаю, какой-то Воскресёнок.

3. Три-четыре

Вадим:

Я чуть было не сказал ей: пошла вон, и без тебя тошно. Но ради приличия скрипнул: здесь беспорядок, я переезжаю. Она не обратила внимания:

А вы меня помните?

Спрашиваешь. Помню ли я тебя. На пятом курсе мало кто ходит к первой паре по субботам. Ты ходила каждый божий раз. Однажды мы и вовсе оказались вдвоем в пустой аудитории. Я по одну сторону стола, ты – по другую. И так проводили семинар. Это я помню. Но что тебе нужно от меня теперь? Сегодня я даже не могу приладить себе нормальной улыбки. Мне больно от мысли, что надо предложить тебе чаю.

Вадим Георгиевич, вам знаком этот почерк?

Слабое начало даже для дешёвенького романа, но для меня, пожалуй, это то, что можно... Милая девочка, где ты взяла?.. Какого чёрта! Даже не помню, как именно я произнёс: почерк моего покойного отца или что-то очень похожее.

Извините, тогда еще один вопрос. Когда ваш отец скончался?

Двадцать... четыре уже года назад.

Вадим Георгиевич, мне очень неудобно, но, если это вы меня разыгрываете...

Она протянула мне всё, что до этого аккуратно мяла в ру-

ках, два листа и конверт. Садитесь, – вспомнил я, чтобы и самому не упасть. Это какая-то ошибка или мистифи...

Мне всего сейчас двадцать три, так как же он мог написать мне, если я еще не родилась?

Я слышал, как волнение прищемило ей голос. Агнии Николаевне до востребования. Значит, оно пришло не по почте?

Человек, который мне его передал, уверяет, что ничего не знает и не понимает. Видно, что он просто так себе человек, которого попросили.

Мне прочитать?

Ну, конечно, я для этого и пришла.

Да, это странно. А он не мог знать ваших родителей... И, предполагая, что у них родится дочь с таким именем... Боже, что я несу? Несу-несуразицу.

Мои родители даже не слышали о нем. Я уже.

Потом она вежливо и без выражения сказала:

Вы уже переезжаете.

Почему уже? И еще бы я не хотел, чтобы тебя случайно увидел кто-нибудь. Ну, в общем. Из моих домашних.

Агния Николаевна. Будете пить чай?

Агния:

Когда високосный год разложил свой кривой касьянс, все стали выбиваться из графиков и опаздывать на встречи. То и дело оступаясь с твёрдой дорожки и попадая одной ногой

в кисельную мякоть стерегущего сна.

Я не люблю, когда со мной заговаривают на улице. А вообще-то терпеть не могу, когда говорят так явно глупо и так явно невпопад. Вчера я вела Данилку из детского садика, и за нас зацепилась дурная облезлая старушенция:

– Ой, какие кривые ножки у мальчика! Ой, прям совсем колясом!

Да какое твоё дело?! Я Даню к себе за ручку притянула и мимо неё прохожу с видом архангела Михаила. Нет, не унижается.

– Надо бы распрямить ножки-то, надо, вон в поликлинике у Тамары... – дальше, я так понимаю, последует и вовсе бесполезный бред. И вдруг – я уже шагов пять прошла мимо и хотела ещё прибавить – а она:

– Ласточка моя, это у тебя от Дмитрия сыночек-то?

Вот так она схватила меня за шиворот и заставила обернуться. Конечно, совпадение. Просто перепутала меня с кем-нибудь. Просто она какая-нибудь сумасшедшая. Вот только глаза правильные, как на картинке.

Это не мой сыночек, бабушка. А чего ты ещё от меня хочешь, карга ясновидящая, похитительница чужих мыслей? Если ты услышала во мне имя Дмитрий, так услышь и то, что... Даже при всём желании, даже если бы и был у меня тогда ребёнок, он всё-таки был бы постарше Данилки. Почему-то, как и в истории с письмом, больше всего меня встряхивают эти хронологические неувязки. Хотя, казалось бы,

сам факт существования письма и этой старухи – более страшен. И даже страшен где-то, с подобающей пустотой в районе желудка.

Дане сейчас три, а Дима умер четыре с лишним года назад, бабушка. Это я продолжаю полупросебя полубормотать, хотя бабушка давно уже исчезла по своим неспешным бомжовым делам.

Мара:

Нет-нет, они ничем особо не отличались от остальных. Нормальная парижская парочка, таких десятки каждый день заходят в мой магазин. Обоим по тридцатнику, и хорошая супружеская дружба. Почему я на них посмотрела? Ну так, почувствовала что-то солоноватое, когда они прошли мимо. Она сразу же проплыла к дамским романам, а он застрял у стеллажа технической литературы, и мне вдруг показалось, что он почему-то нервничает.

Я аккуратно подсматривала в позе праздного продавца и даже лениво так обернулась, когда ещё кто-то вошел. Девочка-солнышко, студенточка, наверное, пришла собирать букеты из цветов зла. Да, я очень люблю расписывать для себя истории покупателей по их внешнему виду и по выбору литературы. Ну-ка, ну-ка, точно! Пошла к поэзии, как предсказуемо... Ба, да это же одна скульптурная группа! Кажется, сейчас я прослушаю чудесное трио.

Любительнице поэзии хорошо виден и дамский роман, и

техника. Девочка зависла над Аполлинером, а сама нет-нет да прищурится на безмятежную супругу: причёску её разобрала по волоску, шейный платочек испепелила, в сапожках брезгливо поковырялась. Ну вот и на кавалера из-за корешков выглянула. Молчу, молчу. Тут вообще полный набор, целая радуга чувств: от красно-оранжевого обожания – через оливковое лицемерное «фи» – к густо-фиолетовому проклятию.

Да-а, не каждый день мне случается такое развлечение!

А он, кажется, и волноваться даже перестал. Смотрит на неё, как печальная зверушка из клетки, а сделать ничего не может. Я тут стала мысленно соображать, кому же из них троих мне интереснее помочь. Может, подойти и прочитать небольшую лекцию о современной французской литературе, предложить любопытные новинки, как это иногда делают мои назойливые коллеги? Только кому из них, чьё внимание надёжно привлечь и отвлечь?

Нечего. Пусть сами доигрывают свою комедию. И точно, вот она, кульминация! Девочка Аполлинера с собой захватила и потащила в сторону кассы, а проходя мимо своего героя, постаралась как можно более спиной к его жене повернуться. Поэтому только мне и только ему было видно, как она одними губами, без единого звучка или шепотка – на чистейшем русском языке – вывязала: «Я тебя люблю». (Ну конечно!)

Вообще-то браво! Потом подошла к кассе и на чистейшем французском попросила у меня три, нет, четыре конверта.

Я не удержалась, киваю на её книгу:

А русская поэзия вас не интересует? У нас есть кое-что.

Девочка презрительно: Pardon, madame, j'ne comprends pas, сдачу взяла и дверью хлопнула. Потом еще минут десять на той стороне улицы топталась, курила, мороженое покупала. Я в окошко видела.

Мужчина заплатил за достойное чтиво своей супруги и взял ещё несколько конвертов для себя. Я подумала, что надо будет написать об этой сцене Нюсе, и сразу же потеряла к весёлой троице интерес.

Madame? Нет, всё-таки пора, пора мне уже возвращаться в Россию. Там начинает происходить что-то забавное.

4. Болезнь

Георгий Максимов:

Я никогда никому этого не рассказывал. Но если тебе будет нужно, пусть они тоже узнают.

Мне было шесть лет, когда началась война. Детские сады эвакуировали из Ленинграда, и наш в том числе. Назначили день отъезда, собрали вещички, и тут я заболел. Мама всё равно привела меня, потому что другой возможности выехать у нас не было. Я стоял в сторонке со своим рюкзачком и ждал, смотрел, как все прощаются и суется. Но тут к нам подошла наша детсадовская врач или медсестра – я не помню – и стала что-то сердито доказывать моей маме: «С ветрянкой в общий автобус? Да вы что, хотите, чтобы у нас весь детский сад в пути заболел?» Молодая и очень красивая. Чем-то похожая на тебя. Но это теперь я вспоминаю, а тогда я её просто ненавидел. Во-первых, она кричала на мою маму, во-вторых, не давала мне уехать. Я очень боялся уезжать без родителей неизвестно куда, но уже понимал, что остаться – боюсь ещё больше. В общем, в любом случае, я заплакал. Она присела на корточки и посмотрела мне в лицо: «Может, это и лучше, Гоша, ведь ты остаёшься с мамой». Так просто-просто, как будто меня не брали на воскресную прогулку за город.

Сама она уезжала. Я оставался. Я стоял и смотрел, как все

мои сели в автобус, как махали в окошки своим родителям и мне. Мне тоже, ведь у меня были там друзья. И вот все эти мордашки – сквозь двойное стекло окна и моих слёз, – автобусы трогаются, разворачиваются и уезжают.

На следующий день я узнал от соседки, что на выезде из города на них налетели немецкие бомбардировщики и от нашего детского сада ничегошеньки не осталось.

Потом мы уехали с мамой. Нас переправляли по воде, и когда мы были метрах в пятидесяти от спасительного берега, тоже налетели вражеские самолёты. Я выбивался из-под маминой руки, стрелял в них из своего деревянного ружья и кричал: «Нате вам, нате!» А потом нас, наверно, подбили, потому что помню, что добирались вплавь или вброд. И какой-то мужчина, помню, нёс меня на плечах, а я кричал маме, что оставил на корабле своё ружье. И от этой обиды плакал.

После войны мы в Ленинград уже не вернулись.

Вот и всё пока, что я хочу рассказать. Зачем я вообще это делаю? Не знаю, может, мне просто хочется тебя предостеречь. Просто нужно быть всегда настороже и не выпускать из рук своего деревянного оружия. Понимаешь?

Агния:

– Вадим Георгиевич... Вы меня видели в отражении?

Потому что он улыбался, разворачиваясь от ларька, где до этого что-то рассматривал.

– Да, вы тут немножко отразились. Хотя это не помешало вам быть совершенно неотразимой, – потом помолчал, угадывая мое настроение, и решился: – Как поживает Воскресёнок?

– Воскресёнок? Надеюсь, вы не издеваетесь?

– Нисколько, милая Агния. Вот вы, например, будете долго смеяться, если я вам сейчас покажу Гоголя?

Он ждал какой-то реакции – хотя бы уж не ответа. А я, как дура, стояла и плавно пережёвывала его «милую Агнию». Очень уж мне это показалось горячим и вкусным. И ещё немножечко неуместным.

– Смотрите, здесь он. Всего одиннадцать рублей.

Там, на витрине ларька, среди прочих и прочих лежала конфетная трубочка с надписью на обложке: ГОГОЛЬ. И с подзаголовком: «поэма в сливочном вкусе».

Вот это да! Что же случилось с моим драгоценным учителем? Он вроде бы как улыбается и даже пытается пускать золотистые искорки из самых серединок зелёных глаз.

Будьте любезны! Вадим Георгиевич купил этого конфетного Гоголя и протянул его мне. Я сунула оранжевую трубочку прозапазуху, и взамен приготовилась выдать экспромт. (А в прошлый раз мне казалось, что я разговариваю даже не со стеной, а с абстрактным фактом переезда с одной квартиры на другую.) Где-то между Гомелем и Могилёвом Гог и Магог могут готовить гоголь-моголь.

Он усмехнулся:

– Это вы только что сочинили?

– Нет, это так. Просто я чувствую, как они иногда прорываются, просятся сюда.

– Кто они? – удивленно сморгнул Максимов.

– Нет, нет, ничего. Боюсь, что я не смогу хорошо объяснить, – и, казалось, захлопнула тему перед самым его носом. Но он ловко подставил ногу и наполовину протиснулся в дом:

– Значит, и Воскресёнок из их числа?

– Ладно. Может, быть, что из их. Воскресёнок, он маленький. Он просто приносит письма. И что самое приятное – про него нельзя сказать: добрый или злой. Я ещё не знаю, как к ним относиться, а вот вы... Главное, не шутите.

Максимов сказал: Агния.

Я расправила плечи и язык распустила.

– Знаете, вы не были в зоопарке? В этом передвижном, который недавно приехал? Вагончики такие цветные со зверушками на площади за автовокзалом зоопарковались. Мы на прошлой неделе пошли с моими подопечными детишками. Вы знаете, я ведь работаю няней в одной семье.

– Я знаю.

– Откуда, ну, ладно, не важно. Так вот, у каждого работника этого зоопарка висит на груди фамильно-должностной бейджик. Я обратила внимание: некоторые фамилии нормальные, человеческие, а другие... Ну вот, сейчас... Один там – Птичкин-Невеличкин, другой – Лисичкин-Сестрич-

кин. Ещё – Зайкина-Забегайкина. А знаете, как зовут администратора или директора, что ли? Афанасий Лосев-Запрудельский. Скажете, это нормально? Что вы смеётесь?

– Да, лось – действительно животное запрудельное, – выхохотал Вадим Георгиевич.

– Нет, ну правда! Думаете, это развесёлые псевдонимы и только? И тогда он ещё раз назвал меня «милая Агния».

– Милая Агния, ваши рассказы пробуждают во мне жажду... едва ли не жизни. Давайте зайдём, и я водочки выпью.

– А самое странное, что детишки мои подопечные, Даня и Таня, после этого заболели... Нет, не ветрянкой, простыли. Не смейтесь.

– Я давно не смеюсь. Если бы вы только знали, как давно я уже не смеюсь!

В тот вечер мне пришлось провожать его до самого дома. Он утолял жажду жизни до тех пор, пока портфель не стал слишком тяжёлым и не упал из его руки на пол очередной забегаловки. Мне было смешно и странно помогать обессилевшему кумиру моего студенчества. Впрочем, он сам вряд ли уже замечал моё рядом с собою присутствие.

Лена:

Почему они выезжают на дорогу и не смотрят по сторонам – коляской вперёд и не смотрят. А смотрят только потом, когда уже сами на дорогу выйдут. Сто раз такое видела. А один раз даже видела, как мамаша одна вдоль дороги шла,

тротуара там и правда не было, но ребёночка своего она вела за ручку не собой прикрывая, а с той стороны, где машины. Я бы таких больных мамаш собственными руками душила бы. А уж как ненавижу, когда они на детей орут на улицах и в магазинах. А уж как я себя ненавижу, когда на Танюшку или на Данечку кричу. И потом всю ночь спать не могу. Ненавижу.

5. Одноклассник

Вадим:

Захожу домой – слышу примерно следующее:

– Понимаешь, заметил, что мои одноклассники умирают один за другим. Совсем ещё нестарые люди: кто от болезни, кто спивается, кто в аварию попадает. Дальше – ещё интереснее: представь, стали умирать сокурсники, институтские товарищи, и препода, хоть те, конечно, постарше, но тоже – заодно. Ни года не проходит без похорон. Не знаю уж, может, я старею и скоро моё время придёт, но кажется, всё неспроста.

Голос моего приятеля Игоря. Одноклассника, между прочим. Сидит и втирает кому-то из моих девиц всякую ахернею. Пока меня дома нет, уж я бы не дал ему такие разговорчики. Разувався, и тошнило. Нет, выпил я не так уж и много. Да и не то пил, чтобы плохо было. Тошнило от этих слов:

– ...главное-то что? Гибнут самые лучшие, самые талантливые, самые достойные, что ли... Я решил во всём разобраться, спросить у кого-нибудь, в чём дело. А кто может ответить, кроме одной костлявенькой дамочки с косой? Вот мне и хочется записаться к самой смерти на приём, как говорится, на аудиенцию.

Я ударил его не то чтобы неожиданно. То есть он видел, как я вхожу. Видел, но не замолчал, а дочка моя при этом

всё пускала сладкие слюни. Ещё чего не хватало, запудрил этой дуре мозги и. В общем, я не удержался и ударил его, кажется, в ухо.

Ну потом – ерунда, ничего интересного. Он обиделся, хотел было ответить, Верка заплакала, он стал её успокаивать. Они потащили меня в комнату, считая, что я невменяем. Но драться мне не хотелось, я ведь не буйный. Просто нечего плести всякое шестнадцатилетней соплячке. Да, вспомнил ещё, когда он сначала на меня кинулся, я ему крикнул: «Бей, убей, я тоже твой одноклассник, давай для ровного счёта...»

В общем, стыдно, конечно. Стыдно теперь и за себя, и за него, и за Веру. Ведь она чего-то там ему верит, а на меня внимания не обращает. Я папа-алкоголик. Куда катится мир?

Автор:

Учителя в журнале отмечали
Отсутствовавших на уроке буквой «Н»,
А опоздавших отмечали точкой.
Мне снится школа: даже стены плачут
(У них, оказывается, есть глаза).
Время растёт, и выросли масштабы —
Другой учитель и другой журнал.
И вот недавно третьему из нас
Неумолимо начертали «Н».
А я за них как староста просила:

Поставьте им хотя бы точку, может,
Они ещё придут, ну задержались...
но мне в лицо молчали облака
И сторожиха звякала ключами.

Агния:

Сегодня я встретила Тёму, с которым училась до десятого класса.

После смерти главного в моей жизни одноклассника мне трудно видеться с ними, с остальными. Случайные встречи переживаю не то чтобы скрепя сердце, а скрипя сердцем (какая находка неграмотных носителей языка). Во-первых, напоминают одним своим видом. Во-вторых, начинается совсем уж дикое-безобразное: А это правда, что после школы у тебя с Димкой был роман? Или: А ты не знаешь, что с ним потом случилось? И даже так: А говорят, что это ты во всём виновата.

Что касается первого пункта, Тёма не исключение. Столкнулись в дверях. И как любое напоминание, сердце стукнуло в горло – ещё прежде чем он успел меня узнать. Я растерялась, а он тут же собрал меня в охапку и не спрашивая, потащил к своей машине.

– Агния, свинюга, да я ж тебя сто лет не видел! Даже и не думай спешить, торопиться и прочие там отговорки! Срочно рассказывай, как твои дела!

Тёме можно, Тёма хороший. Однажды он. А впрочем, не стоит об этом. Я подумала, ладно, лишь бы не задавал глупых

вопросов. И он повёз меня кататься по городу.

– Ты сам-то никуда не спешишь? Где ты работаешь?

Он поморщился, потом сразу рассмеялся и махнул рукой.

– Я это... Как говорится, мелкий предприниматель. Маленький такой. Мы с Ваней открыли недавно свой бизнес. Помнишь Ваню Симонова? Это всё он, а я за компанию.

И Артём долго и смешно рассказывал мне о своих коммерческих приключениях. Я расслабилась и потеряла бдительность. И даже не насторожилась, когда услышала первое «а помнишь».

– А помнишь, как мы с тобой писали звуки для спектакля?

В девятом классе мы готовили спектакль. Со старшеклассниками. Пьеса какого-то новомодного автора, я сейчас уже и забыла, кого. Нам с Тёмой дали маленькие роли: мы оба должны были представлять не то какие-то абстрактные понятия, не то олицетворённые человеческие чувства. Но кроме этого на нас с ним повесили звуковое оформление спектакля. С музыкой было просто: оба отпетые меломаны, мы быстро подобрали у себя и у знакомых нужные записи. А вот с шумами оказалась проблема. По сюжету были совершенно необходимы звук идущего и тормозящего поезда, шум лифта и детский плач.

Помню, было очень холодно и мы страшно замёрзли, пока добрались до вокзала с моим дурацким жёлтым магнитофоном. Забрались в вагон первой попавшейся электрички и, забившись в угол, стали греться. Тёма обхватил меня за

плечо и прижал к себе: так было теплее. И побежали первые искорки. И я почувствовала, что он мне не товарищ по театральной студии, не безликий одноклассник, а что мы совершенно взрослые люди, едем куда-то далеко-далеко, совсем одни на целом белом свете. Да, и ещё едет с нами этот жёлтый магнитофон. Электричка тронулась, и мы нажали на запись. Увы! Характерного, ни с чем не сравнимого звука поезда как не бывало. Мы плавно и почти беззвучно скользили, колёсами почти не стуча. Как не хотелось расцеплять объятия! Но пришлось нам вылезти в тамбур, потому что там было слышнее. Тёма попробовал даже ехать между вагонами, там-то и удалось ему поймать в ловушку магнитофона желаемый звук.

А детский плач записали в стоматологической поликлинике. Нам было стыдно прийти и просто так подставить микрофон какой-нибудь плачущей мордашке. Поэтому Тёма предложил спрятать магнитофон в большую спортивную сумку и постоять с ней у двери кабинета, якобы заняв очередь. Плач получился приглушённый, прорывающийся издалека. Впрочем, именно такого эффекта и требовал сюжет нашей пьесы.

А в лифте он меня всё-таки поцеловал. Первый и последний раз. И звук лифта у нас совсем не получился – так, глупенький какой-то шум. Всё равно пришлось потом переписывать.

– Агния, я тут подумал...

Я уже совсем растаяла от этих воспоминаний и от приятно щекочущей скорости. Посмотрела на него с добрым ове- чьим любопытством. И даже телефонный звонок с надписью «МАРА» на экране не надоумил меня резко попрощаться и выскочить из машины на светофоре. Мара спросила: Что ты сейчас делаешь? Ты можешь со мной говорить? Я ответила: Еду по городу. Если что-нибудь срочное, говори. А лучше я попозже тебе перезвоню.

Она задумалась, как будто прислушивалась к шуму с нашей стороны, потом каким-то официально-диспетчерским голосом сообщила:

– Я купила билет и через неделю буду в Москве. Переночую у родственников, а потом... Ты сможешь меня принять?

– Мара, что это за тон! Что это за вопросы! Я тебя жду как не знаю кто... Как...

– Ладно, ладно, – сверкнула она своим уже настоящим, нагло-игривым смешком. Можешь готовиться к встрече, только окно без меня не мой... И свиданий никому не назначай на время моего приезда, – и снова погасла где-то в далёком Париже.

– Мара – это твоя подруга? – сунул свой любопытный нос Артём, когда я убрала телефон. А потом с места в карьер: Может быть, тебе неприятно об этом говорить, но я теперь точно знаю, что нашего Диму убили.

Чёрт. Ну что мне теперь, на полном ходу из машины прыгать? Я даже не смогла устроить ему враждебного молчания,

так хитро он меня к себе расположил. Я спросила: Что ты знаешь? Удивительно, как просто у меня это выскочило. Так вот: «что ты знаешь» – и всё.

– Меня ещё тогда поразила эта тёмная история, и я всё никак не мог успокоиться и забыть. Все эти годы. Всё думал, почему он никому не сказал, что едет в Москву? Что за таинственность? И главное – что там случилось и почему...

...Тёма, может, не надо...

...и почему его никому не показали потом, когда...

Мне Дима сказал, что едет, я его даже провожала – это я то ли проговорила, то ли продумала молча, во всяком случае, Тёма меня услышал. Он остановил машину, и мы минуты две сидели молча и пусто, успокаивая каждый своё. Потом он отстегнул оба наших ремня, чтобы удобнее развернуться и взять меня за руку. А я не возразила этому жесту, потому что в нём не было и намёка на взрослые отношения. Чувство, обратное тому, что тогда, в электричке. Всё-таки он мне товарищ по театральной студии, и он знает, как лучше поймать этот звук движущегося и тормозящего поезда.

– Агния, – сказал Тёма шёпотом, чтобы не спугнуть то ли меня саму, то ли моё к нему чувство доверия. Я кое-что понял. И я, кажется, напал на след. Мне только нужно одно подтверждение, только один эксперимент. Я обязательно должен понять, отчего он погиб.

И тут уже я наконец-то не выдержала. Мелкая-мелкая дрожь начала расти откуда-то из-под ногтей и подниматься к

голове. Почему-то вспомнилось, как странно и ласково произносил Дима некоторые звуки, например «л» он не проговаривал до конца, а только чуть-чуть, как будто перешагивал через него в каждом слове на цыпочках.

И я выскочила из Тёминой машины, ладонью залепливая рыдание обратно в рот, естественно даже не попрощавшись.

6. Поезд

Мара:

Мы познакомились с Нюсей, можно сказать, в сортире. Смешно, да. И до ужаса романтично. Я ехала к родственникам в Москву, она – возвращалась из турпоездки по Франции. В тамбуре поезда, стоя в очереди в туалет, я услышала за спиной:

– А вот абсента не успели попробовать.

И в ответ:

– Да ну, говорят он во Франции ненастоящий.

– Всё-таки жалко. Мне так хотелось!

Я подумала: до чего же пошленькие дамочки эти туристки! И обернулась. Сначала почему-то показалось, что у любительницы абсента неправильная форма бровей. Вот бы их выровнять: выщипать или накрасить! Потом, уже отворачиваясь, на излёте, схватила роскошную округлость золотистого каре и вазоподобную осанку попутчицы. А ещё через минуту, обмакнув лицо в мокрый ковшик ладоней, удивилась: а ведь дядя Коля не получит обещанного подарка!

Из туалета в тамбур я шагнула, как будто – из поезда на ходу. Вот так:

– Я Мара. Заходите ко мне во второе купе, я вас угощу абсентом.

С того дня началась моя Агния, Нюся. Нам судьба была

встретиться в поезде, потому что потом сколько мы с ней вместе исколесили! Узнав, что я с двенадцати лет живу во Франции и России почти не помню и не знаю, Агния загорелась мне её показать. И вот – мы с ней – и в Петербург, и в Новгород, и во Владимир-Суздаль, и даже раз до Байкала урвали у жизни добраться. Получалось всё больше по-простому, третьим классом, потому что денег у обеих не очень-то было.

Однажды ночью нас из общего вагона выселили. В полночь мы вышли в тамбур покурить, возвращаемся, а на нашей скамейке нетрезвый и тяжёлый мужчина спит, прямо поверх оставленных дорожных котомок и зонтиков. Очень тяжёлый на подъём мужчина. Мы попробовали его туда-сюда грузить да тужить, но потом поняли, с каким головокружительным облегчением можно вернуться в задымлённый тамбур. Захмелевшая от ночи Агния простирала свои тупые ноготки к окну, показывая мне крошечную красавицу Россию и просила читать стихи.

Милая моя девочка, она всегда просит меня почитать ей что-нибудь на французском – стихи ну или что-нибудь спеть. Она слушает, и лицо у неё делается смущённое, глупое. Потому что способности к языкам в этой голове никакой, а слух – музыкальный. Агния говорит, что чужеземная фонетика ей ухо щекочет (обнюхивает и целует). А я бы ещё на месте этой самой фонетики крошечную Нюсину серёжку губами схватила и потихонечку теребила бы смеха ради.

Так мы с ней в тот раз всю ночь Верлена в тамбуре читали.

Автор:

Спокойно проучившись бок о бок десять лет и без какого-нибудь особого сожаления расставшись на выпускном, они встретились однажды снова. Как будто чья-то всемогущая рука вернула их, повернула друг к другу и включила на полную мощностъ. Это было неутолимое какое-то умопомешательство. Не произнеся за всю историю слова «люблю», они даже рядом друг с другом мучились от возможности расстаться. Так получилось, что за какие-то считанные месяцы эти двое вчитались в лица друг друга и вычитали там слишком многое из тайн. То, чего и не позволено знать. И, видимо, они стали друг от друга как боги.

Как посторонний наблюдатель, могу лишь заметить, что подобные страсти встречаются нечасто, а если случаются, то никогда не длятся. Они взрываются, горят, а потом долго ещё болят под своими обломками.

Как автор, жалеющий своих героев, я склоняюсь в почтительном поклоне перед их романтической глупостью и смущённо перевожу взгляд на другие сюжетные ходы и взаимосплетения.

Как человек, переживший подобную страсть и переживающий боль под ее обломками долгие годы, я утверждаю, что смерти нет, нет и не может быть.

Дмитрий учился на заочном, а в Москву ездил искать ра-

боту. Первые поездки оказались неудачными, но он никогда не сдавался. Говорил, что теперь уж наверняка найдёт что-нибудь подходящее. Подразумевалось, что работа поможет им стать заодно против обстоятельств, то есть жить только вдвоём, собственным домом.

Агния провожала его вечером на вокзале и много смеялась, чтобы не задумываться. Он – тоже много и по пустякам, издевался над её рыжими ботинками с надписью USA. Нехорошо, надо быть патриотом, а она впитывала каждое глупое словечко, чтобы зависать на нём в одиночестве уже через десять минут. Потом вроде о том, что *pes sine te...* а там и пора уже было прощаться. Он поднялся в вагон и долго пытался открыть окно около тамбура. Поезд тронулся, и ей пришлось классически семенить параллельно ему, натываясь на провожающих. Упрямое окно наконец открылось, и Дима протянул к ней свою комически озабоченную фразу:

– Агничка, всё-таки прошу тебя, будь патриотом.

Агния плюнула, рассмеялась, чуть не упала и остановилась. После этого она уже не увидела Диму ни живым, и ни мертвым.

Вадим:

Сегодня я попросил её перейти на ты. И по имени. А то каждый раз вздрагиваю, когда она ко мне обращается. Как на лекции. Спросил, можно ли курить у неё на кухне. Она кивнула и достала из шкафа странный набор: пепельницу в

виде черепахи, зажигалку с лисьим профилем на боку, корбочку с сандалом и ещё костяную фигурку слона.

– Что ещё за зверинец? Какое отношение к моему вопросу имеет этот слон?

– Благовония скрасят запах табака. А слоник – просто подставка для палочек. Видите, в спине у него три дырочки? Он безобидный, курите.

И тогда я попросил её на ты. Агния сразу поспешила испробовать:

– Ты есть хочешь?

– Нет, – даже испугался я от такого переворота её мысли.

– Странно, – усмехнулась она, – обычно если мужчина приходит ко мне домой, а отсюда переходит на ты, то сразу оказывается страшно голодным.

– Я не из таких, – показал я улыбку, – обычно у малознакомых девушек из рук еду не беру.

– Я давно уже ничего не ем, я сочиняю стихи, – красиво вздохнула Агния, и мне вспомнилось, какой она всегда казалась язвительной. Даже при всей своей почтительности к старшему и педагогу.

– Не хами, а то придётся вернуться на вы, – пригрозил я хозяйке квартиры.

– Ах, извините, – искусно сымитировала она кокетство.

Потом мы молча курили.

Потом я сказал:

– Это мой папа стихи писал, а я – никогда.

Агния удивилась. Я не понял, чему больше: первой или второй части утверждения.

– Ну тогда расскажи мне о нём, – поёжилась она, что опять же было непонятно: тогда – это когда?

Я долго молчал, потом, совсем как идиот, глубокомысленно изрёк:

– Всю жизнь мой папа писал стихи, – и враждебно посмотрел на Агнию, чтобы она не вздумала спросить о том, хорошие стихи или нет. Она не спросила. – Люди считали его больным, не из-за стихов, конечно. Это глупость, что сумасшедшие и поэты, как правило, совпадают в одном лице. Просто за несколько лет до смерти он почти перестал разговаривать. Не потерял физическую способность говорить, а как-то забыл о необходимости произносить слова. Мама пыталась его лечить, пыталась потом с ним разводиться, а потом он умер, и она очень переживала.

Агния смотрела, я видел, что она не понимает.

– Кажется, я понимаю, – сказала она на том конце сандалового облачка.

– Ты можешь на меня так не смотреть? – попросил я. – Так мне кажется, что ты всё ещё ученица, студентка. И в глазах у тебя мигают лампочки с надписью: «Да, Вадим Георгиевич, вы, безусловно, правы».

Она обиженно крутанулась на табуретке:

– Зачем ты так?

А меня несло ещё дальше:

– И после слов «мой отец умер» ты должна была потупившись сказать: «Извини, я не знала». Когда так говорят в фильмах, мне хочется на стену лезть от человеческой тупости и пошлости. Ты хоть один раз слышала, чтобы хоть в одном фильме хоть кто-нибудь? Ответил по-другому?

Агния быстренько подумала про контра и цетера, ну и выдала:

– Извини, Вадим, я не знала, что ты такой псих.

– Ладно, давай теперь о тебе расскажем, – это я уже извинялся. – Ты, что ли, на фотографии?

Над столом у неё чёрно-белое, стилизованное под ретро фото. На нём – двое под ручку в костюмах, опять же небрежно стилизованных под девятнадцатый, оба в цилиндрах. Я вспомнил, что это. Агния пришла в этом костюме на свой институтский выпускной. Пришла не одна, с какой-то девицей, вот она же на фото. Одна из них с тростью, другая – с трубкой.

– Это Верлен и Рембо, – пожала плечами Агния как о самой собой разумеющемся. Да, точно. Тогда я тоже это слышал. Говорили даже, что когда препода после банкета разошлись, Агния со своей подругой пытались учинить пьяный дебош. Бить посуду и ходить по столам. Типа как Верлен и Рембо.

– Расскажи, – попросил я её теперь.

– Это Мара, – сказала Агния безо всякого выражения. Нет, вру, с искусно скрываемым выражением. И продолжала: – Это было в наше с ней первое лето. Тогда мы недавно по-

знакомились. Она много лет прожила во Франции, она знает французский, она рассказывала мне о них, она читала мне их стихи.

Я почувствовал, что во внезапном косноязычии Агнии кроется что-то нехорошее. Нечто, что она сама не в силах понять.

– И тогда вы решили поиграть?

Она виновато кивнула.

– Эта фотография с выпускного?

– Нет, – ответила она, – это за несколько дней до него. Здесь мы ещё бодрые, красивые. А на выпускном мне было слишком плохо.

Вспомнил и другой эпизод. Кажется, только я один и видел тогда, как она пыталась порезать себе руку. От отчаянья, от боли, за углом столовой, где проходил выпускной. Сейчас я чуть не сказал, что помню это, но она вовремя предложила мне «хотя бы чаю».

Я раздражённо вздохнул, и Агния приняла это на свой счёт. Слепила быстренько очередной свой каламбур, вроде:

– Намозолила я тебе глаза, а теперь ещё наступлю на большую мозоль.

И сразу:

– От чего же умер твой папа?

– От сердечного приступа, – ответил я. – Всё очень банально, никакой мистики. Просто он ехал в Москву, на какую-то деловую встречу. И по дороге прямо в вагоне и умер.

Агния не сказала никакого «извини». Но подозрительно и как-то испуганно проверила меня взглядом.

7. Соседи

Вадим:

Будут строить себе роскошные особняки. В центре города. Всё правильно. Аминь. А нашу старую развалину со сдохшими трубами и рыхлым потолком (дрыхлым – сказала бы Агния) – того. Снесут. Так будет лучше для всех, а кто бы сомневался?

Не люблю Набокова, но сейчас вспомнил почему-то, как Лужина отправляли из дома в школу. Такой же шок: меня? Из моего, моего дома?

Никогда не знал ностальгии, потому что не менял местожительства. Мой приятель один всю жизнь скитался и писал мне из разных мест. Он чувствовал, как прикипает, прирастает, а потом – дёрнул себя с корнем и поехал дальше. Но всё равно ему было обидно. Ностальгия – это тоска по себе прежнему. И уж тем более – по прежним людям. Особенно по тем, кто рядом с тобой.

Вроде бы ничего страшного, но всё равно – пустота. Дело не только в доме. Помню, как отец там молча сидел часами. Говорили, что он больной. Мама плакала. А я не беспокоился. Теперь за собой замечаю подобное. Ещё это странное письмо. Пусто, пусто.

Агния говорит. Впрочем, нет. Нет никакой Агнии. Пустота и звон в ушах.

Соседи уехали позавчера. На их половине кто-то ходит. И утром я видел там чужого человека. Кто это? Новые хозяева, купившие участок под особняк? Не похоже. Представляю, как будут ломаться стены. Рамы. Интересно, стекла вынут заранее или так? Когда жива была бабушка, зимой между рамами всегда клали вату, а сверху – дождик, гирлянды, мелкие ёлочные игрушки. Маме это не нравилось, она сердилась. А папа? И потом весной с наслаждением вытряхивала всю эту мишуру и жадно отмывала стёкла. Говорила, что весна – это чистые окна, как будто дышать по-новому научешься.

А у соседей много вещей осталось. Мы с этими Кузьмиными в последние годы не очень-то. Родители мои дружили со старшими, а мы как-то так. Моя жена, ну и соседка тоже хороша. Они забор захотели поставить, от нас отгородиться. Отродясь этого не было. А тут ещё Катя уперлась: не хотим пополам оплачивать, мол, вам нужно, вы и платите. Эти обиделись.

Я, конечно, в детстве с Мишкой играл. Потом только здоровались. Помню, ручки у них на дверях меня удивляли. Старинные, типа ручной работы. В виде птицы: голова ворона и крыло, чуть назад отведённое.

Пойти посмотреть, может, остались ручки? Свинтить бы парочку на память да к новой квартире приручить. Я закурил и пошёл к соседям. Почему-то почувствовал себя очень старым. Посмотрел на забор и подумал: какой же я всё-таки

старый. Лучше обойду.

Свет горел у них на кухне. Я позвонил, и внутри залаяли. Неужели это Тим?

Пожилой и нетрезвый. Это было видно даже через окно. Нет, не Тим, а тот человек, который меня рассматривал. Потом как-то так мяукнул в форточку:

– Товарищ, а вы кто?

– Сосед, – говорю, – бывший. Не верите, вон, у Тима спросите.

Мужчина открыл. Пёс бросился меня обнимать-целовать. Однажды Вера его блином кормила, когда они ещё оба маленькие были. Тима оставили одного, заперли на веранде. Он и скулил целый день. А Вера сидела под дверью, развлекала его разговорами и маленькие кусочки блина в щёлочку под дверью просовывала. У них потом долго жирное пятно на дверях красовалось.

– Совсем уже взбесились от жира, – возмущался мужчина, охотно ведя меня на освещённую кухню. – Я говорю, хозяйева, уехали, а собачку не взяли. Как бишь его зовут? Да ты проходи, сосед бывший, садись на тумбореточку, – и он уже наливал и подсовывал мне под локоть старую кузьминскую рюмку. – Я сторож, сторож от строительной компании. Сказали: сиди, я и сажу тут. А чего от кого сторожить? Ну, будем знакомы.

Я сел. Коричневый Тим, похожий на медвежонка дворняг, потянулся ко мне преданным зайкой.

– Вот так вот, сбежали все со стонущего корабля, – продолжал мой собеседник, всё краснея и кося от деланного возмущения, – а мне теперь вот этого пса передали по насмешке. Как же это можно, всё это людское говнодушие. Или, быть может, наш покорный слуга хочет забрать себе эту собачку? Я-то не знал, как его, говорю ему: Мухоморда, ты есть хочешь? Отзывается.

Я почувствовал щекотку в ладонях: записать бы сейчас весь его бред, дословно, вон хотя бы на клочке обоев. Этот приятель рассыпает перлы своим языком, как. Агния была бы рада. Расскажу ей всё, что запомню.

– Да, я и не представился, извини. Вездеслав Уважуха, – и он, привстав, приподнял с головы старую кузьминскую шляпу. – Будьте лю-бездны, а вас? Так вот, Вадим Георгиевич, выпьем, как сторож со старожилом. Знаешь, дорогой мой... Ты всё это не так, не думай, что тебя теперь выгоняют. Знай повышай виноградус. Легче... Легкоступность... легкодоступность должна быть эдакая в жизни, – его мяукающий голос всё время куда-то зарывался, пьянел. – Ну, вот я, вот со мной в жизни встречаются странные вещи. Три раза, – Уважуха назидательно выставил указательный палец, – один раз меня укусила мёртвая щука, второй раз я порезался об авоську со свиными хвостиками, а в третий раз сухая чайнка влезла мне прямо под ноготь, так что потом палец резали.

А я сидел и вспоминал, уж не кузьминская ли старая куртка на моём новом знакомце, наверно, она. И я был непри-

лично рад такому безумному собеседнику на свою одинокую ночь. Мы ещё выпили. Вдруг он насторожился:

– А ты когда теперь переезжаешь? – и вкусно проглотив мой ответ с кусочком сухого кальмара, изрёк-извлёк откуда-то: – Купи себе для новой квартиры. Старинная вещь, ручная работа. Четыре штуки, бери, не пожалеешь. Они достались мне по завещанию. Ишь какой павлин-мавлин крылатый, отдам по дешёвке. Завещание, брат, – это значит присматривать за вещами.

Агния:

Опять сегодня странный день. После обеда я пошла в детский сад забирать Даню. На душе сначала было хорошо: упруго и чисто – я называю такое состояние советским пломбиром по 20 копеек. Его можно есть на любом морозе, кусаешь, а зубам туго, не холодно и приятно. Потому что внутри сливки, а не лёд. Так вот, когда дышится и ничто тебе не мешает думать, а почти ни о чём и не думаешь, я шла, ну разве что вчерашние слова вспоминала. Почему мне так жалко людей, которые уже устали от жизни? Хочется им помогать, делать подарки, даже целовать. Если им это, конечно, приятно. Максимов усталый. Может, поэтому меня к нему потянуло? Дима – нет, с ним было совсем по-другому.

Я вошла в детский сад, поздоровалась на вахте и заглянула в группу. Навстречу мне из-за стола выскочила возмущённая воспитательница. Новенькая. Её недавно поставили

на замену:

– Представьте себе, ваш Вадим сегодня... – почему-то осеклась, соображая. А я смотрела и ждала – застрявшая в своей мысли, как Винни-Пукс в дверях у кролика. И тут уже в меня с разбегу врезался Данилка, вытолкнул из мысли, и я смутилась, засмеялась.

– Ой, простите, – выдохнула воспитательница, – я вас перепутала с другой мамой.

Ничего особенного, нет, не это самое странное в сегодняшнем дне. (Хотя когда имя застаёт тебя врасплох – это уже красный флажок, огонёк, внимание, это уже что-то значит.)

Родители моих детишек сегодня ходили в ресторан, вернулись поздно (Лена совсем никакая от усталости). Я сдала свой пост, уснувших наконец Таню и Даню, и поехала домой едва ли не последним трамваем. Выходя из лифта, сунула руку в сумку – в одно отделение – в другое – в третье. И тут же в глубине живота взорвалось горячо: потеряла! Потеряла ключи или, в лучшем случае, оставила у хозяев.

Мне всегда почему-то вспоминается Набоков, когда я теряю или забываю ключи. Опять всё перевернула в сумке вверх дном. Уже захотелось плакать. Куда теперь, как? Первый час! К родителям? К друзьям? В третий раз тщетно изнасиловала сумку и карманы куртки. Обижалобная слеза пришла изнутри глаза и зачем-то напомнила, что Максимов сегодня ночует один в своём старом доме, а родные его

уже. Конечно, я её беспощадно стерла, слезу-искусительницу. Прислонилась спиной к своей родной двери и – опа! Ввалилась в квартиру. Кроме того, что не заперто, я сразу же поняла: а) что на кухне горит свет, б) что там кто-то есть, и почему-то в) что кричать бесполезно.

– Не пугайтесь, уважаемая хозяйка, мы не сделаем вам ничего плохого, – поспешил из кухни интеллигентный мужской голос, предупреждая любую неадекватную реакцию с моей стороны. Всё равно у меня в коридоре нет ничего тяжёлого, чем можно было бы стукнуть грабителя. Но разуваться я всё-таки не стала, чтобы в случае чего сразу дать дёру. Так прошла.

Там их было двое. Мужчины. Ну как-то так, в возрасте, а главное – похожие друг на друга. Вероятно, братья, может быть, даже близнецы. Оба в каких-то немислимых пестрых рубахах, у одного борода подлиннее, у другого покороче, и этот ещё почему-то в фиолетовом берете с хвостиком на макушке.

На столе среди чашек моего так называемого гостевого сервиза стоял торт. Початый. Да не то что – съеденный на две трети. Шоколадный, с коричневыми розочками. (Мой любимый, кстати.)

– Ы-ы... Э-э... – сказала я, поджимая на пороге одну ногу, всё ещё собирающуюся бежать.

– Доля ваша, – один мужчина указал театральным жестом на торт, другой подхватил тремя пальцами свободную табу-

решку.

– Мы соседи. А у вас была открыта дверь, – буднично объяснил фиолетовый берет. – Разве ж можно так оставлять квартиру, юная леди? А ну как вынесут все ваши ценности-драгоценности? – пробулькала длинная борода, хлопоча над заварочным чайником.

Чёрт возьми, какие соседи в час ночи! – хотелось крикнуть, но голосовые связки были, видимо, сильно шокированы происходящим. И не слышали сигналов головного мозга.

– Вообще-то мы даже забеспокоились, когда увидели незапертую дверь, подумали: а вдруг что-то случилось и не нужна ли помощь, – сказал один брат.

– А потом уже поняли, в чем дело, и решили дожидаться хозяев, заодно посторожить квартиру, а потом уже и за угощением сбегали, – подхватил другой.

Я попробовала свой голос – потихоньку он выходил на связь.

Утром я закрывала дверь. Я помню.

Незванные гости как-то смущённо рассмеялись.

– Тогда почему же ваши ключи обнаружались здесь? – мужчина в берете указал на посудный шкаф.

И я не придумала ничего умнее, чем ответить на такое заявление: не знаю. Бред-бред-бред и ещё берет. Так, на чём мы остановились? Я вдруг перешла в наступление. Но какие же вы соседи, если я вас тут сроду не видывала? Так и сказала: не видывала, и уже начинала приходить в себя и злиться.

Длиннобородый достал откуда-то сложенный вчетверо А4. Развернул и почти пустил по воздуху ко мне. Я поймала.

– Со вчерашнего дня мы снимаем квартиру здесь, по соседству, такое вот простое объяснение.

Договор аренды жилого помещения. Гр. Иванов Виктор Сергеевич, именуемый в дальнейшем Арендодатель, с одной стороны, и гр. Айкендуевы Канистрат Евграфович и Полиблюд Евграфович, именуемые в дальнейшем Арендатор, с другой стороны, заключили настоящий договор... Всё это напоминало знакомство Воланда со Стёпой Лиходеевым.

– Садитесь же, а то чай стынет. И тортик, кажется, ваш любимый.

– Ладно, сяду. Вы, что ли, братья? Боже мой, как я устала.

– Панибратья, – усмехнулся берет, – так и называйте нас: панибратья Айкендуевы, идёт?

– Можно я закурю? – я помотала головой, сил у меня больше не было. Мне стало казаться, что они вот-вот растворятся, как пар над остывшим чаем. Странные соседи еще что-то говорили, объясняли, смеялись, а я машинально курила, пила чай, даже ела торт, но уже ничегошеньки не понимала. Потом вдруг догадалась сказать:

– Вопрос на засыпку: а откуда вы знаете мой любимый торт?

Панибратья рассмеялись:

– А секрет фирмы. Мы посмотрели, какие книги стоят у вас на полках и в каком порядке, и решили: хозяйка квар-

тиры любит сладкое, скорее всего даже с шоколадным уклоном. Неужели мы не угадали?

Через полчаса я их всё-таки выдворила. На всякий случай осмотрела вещи – те же книги. Ни денег, ни драгоценностей у меня дома не водится. Компьютер на месте, тостер и фен. Ладно. Ничего не унесли странные ночные гости. Только ключ со всего этого сумасшествия посмотреть я забыла.

Мара:

Я никого не ждала. И не думала ни о чём. И уж тем более – не прилагала усилий к тому, что случилось.

А всё же ничуть не была удивлена, когда увидела эту девочку. Узнала, конечно, узнала. Вы покупали у меня Аполлинера несколько дней назад. Проходите, можно сюда. Вы ведь курите?

Не понимаю, почему я её узнала. Теперь у неё были совсем другие глаза. Если продолжить ту цветовую ассоциацию, сейчас в её взгляде сидело пепельное недоумение пополам с грязно-бурым страхом. А платьице при этом на ней было нескладное, жёлтое не по сезону, поторопившееся перепрыгнуть в лето.

– Вам понадобилась русскоязычная литература? Вы ведь за этим пришли?

Она грубо вытряхнула сигарету из пачки, укусила ни в чем не повинный фильтр. Невнимательно села в кресло – на книгу. Машинально вытащила её из-под себя.

Я пропустила половину дымящегося молчания и позволила себе усмехнуться:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.